

С тех пор, как император проигнорировал Чан Юйяня в особняке Сюэ, Чан Юйянь чувствовал себя беспокойно. Теперь он снова увидел императора, но в этот раз он смотрел на Кун Илия.

Император был все так же прекрасен, как ясный лунный пейзаж. Куда бы человек ни посмотрел, везде было видно достоинство, принадлежащее Сыну Неба. Перед таким благородным императором Чан Юйянем, как ни старался, не мог перестать бояться, что не понравится Его Величеству.

Но что за политическое эссе написал этот Кун Илия, чтобы император так его ценил?

Чу Вэй наклонил голову и посмотрел на этих двоих, стоявших прямо и молча.

Пока трое погрузились в раздумья, из зала донеслась музыка, возвещающая о начале аудиенции Чуаньлу*.

(* - 紫宸殿 официальная аудитория, где объявлялись имена уходящих ученых. Технически он также называется залом, но некоторые из них относятся к местам, а другие - к событиям)

Кандидаты выглядели торжественно, и многие евнухи пришли с одежаниями в руках, чтобы переодеть новых ученых. Закончив переодевание, они подняли головы и увидели, что император уже сидит на драконьем троне.

Место, где проходила аудиенция Чуаньлу, находилось не в зале Сюаньчжэн, а в более просторном императорском зале аудиенций. Только такие важные события, как паломничество, крупные праздники и отправка войск, праздновались в зале аудиенций. В это время сотни чиновников выстроились в ряд, а новый Цзиньши стоял в центре. Атмосфера была спокойной, и многие люди не могли не затаить дыхание.

В этой тяжелой атмосфере больше всего привлекал внимание император, сидящий высоко над головой.

Воспользовавшись тем, что евнух помогал ему переодеться в официальную форму, Кун Илия незаметно посмотрел на императора. Он не мог не почувствовать себя ошеломленным, но после нескольких вдохов он пришел в себя.

Драконья мантия императора была громоздкой и тяжелой, но его лицо сияло.

Был ли в мире кто-то, кто мог бы обладать властью, статусом и внешностью?

В этот момент Кун Илия понял, что, конечно, есть, и этот человек - самый благородный в мире.

Глядя на него, можно было понять, что он недостижим.

Среди новых ученых было лишь несколько достаточно смелых, чтобы осмелиться взглянуть на императора. Когда чиновники, ответственные за дворцовую церемонию, начали называть имена, студенты склонили головы и стали ждать объявления.

"Ученый на первом месте - Чу Вэй".

Глаза Чу Вэя вспыхнули. Он встал, сделал несколько шагов вперед и, следуя указаниям, опустился на колени на землю с левой стороны. Его спокойное и сдержанное лицо не могло скрыть того, что уголки его губ приподнялись, демонстрируя легкую улыбку.

Ранее, поскольку император в боковом зале так благосклонно относился к Кун Илиню, он думал, что молодой император даст Кун Илиню титул Чжуаньюань.

Выражение лица Кун Илиня не изменилось, но в его сердце внезапно поднялось чувство разочарования. Сам Кун Илинь считал это забавным. После страданий из-за своих глаз, он добился успеха и сдал экзамен во Дворце. Но теперь он стал жадным и захотел стать номером один. Это было непостоянство и нелепость.

Чиновники, отвечающие за церемонию, продолжали называть имена. "Второе место принадлежит Кун Илиню".

Кун Илинь глубоко вздохнул, подошел к правой стороне рядом с Чу Вэем и решительно опустился на колени.

"Третья позиция принадлежит Чан Юйяню..."

Аудиенция продолжалась более получаса. Когда все имена были названы, новый Цзиньши, следуя за сотнями чиновников, совершил три коленапреклонения и девять поклонов. Сидя в одиночестве на высоком сиденье, Гу Юаньбай, наблюдая за приветствием толпы, выдохнул пьянящий воздух*.

(* - □ может означать мутный, грязный, нечистый, испорченный. В основном это означает, что власть доходит до его головы)

Быть императором вызывало привыкание.

Особенно когда он видел, как все придворные поклоняются ему, а министры, которые обычно занимают высокие посты, почтительно преклоняют колени, - это было действительно затягивающее чувство.

Гу Юаньбай напомнил себе, что нужно не спать. Он не был диктатором.

После того как аудиенция Чуаньлу закончилась, новый Цзиньши отправился осыпать комплиментами других чиновников, а остальные придворные тоже разбежались. В огромном дворце остались только Гу Юаньбай и дворцовые слуги. На лице Гу Юаньбая наконец появилось выражение усталости. Тянь Фушэн предложил ему чай. "Ваше Величество, еще рано. Почему бы не пойти понежиться в воде из горячих источников?"

Гу Юаньбай почувствовал искушение. Он сделал глоток чая, кивнул и сказал: "Очень хорошо".

Горячие источники находились во дворце рядом со спальными покоями императора. Когда Гу Юаньбай пришел, бассейн горячих источников уже был покрыт туманной дымкой.

Вода в бассейне поступала из горячих источников, и от нее исходил естественный запах серы. В окружении благовоний и свечей, яркий дневной свет за окном освещал весь зал горячих источников в роскошном, королевском стиле.

Тянь Фушэн работал над снятием громоздкой драконьей мантии для императора. Вдруг кто-то снаружи дворца доложил: "Ваше Высочество, Сюэ Юань, сын генерала Сюэ, просит вас о встрече".

На белом лице Гу Юаньбая появилась усмешка. "Значит, он наконец-то согласился войти во дворец?"

С тех пор как Гу Юаньбай согласился, чтобы Сюэ Юань вошел во дворец, чтобы сопровождать его до этого момента, Сюэ Юань так и не вошел. Прошло уже много времени, несколько недель. Неужели он пришел покорно, понимая, что больше не может избегать этого?

Ясно, что если я не буду тебя учить, ты не будешь вести себя хорошо, а если я не буду тебя бить, ты не будешь слушаться.

Гу Юаньбай сказал: "Тянь Фушэн, как приручить собаку?"

"Собаку?" Тянь Фушэн был озадачен, но ответил честно: "Неважно, хорошая это собака или плохая. Непослушная собака, даже маленькая, станет послушной, если будет бояться побоев. Если она остается непослушной, дайте ей поголодать несколько дней. Когда она проголодается и захочет мяса, разве она не станет послушной?"

Гу Юаньбай поднял брови и улыбнулся. "Тянь Фушэн, ты хорошо сказал".

Внешний халат развязывался слой за слоем, и Гу Юаньбай лениво приказал: "Пусть войдет".

Снаружи послышался звук шагов, и высокая фигура Сюэ Юаня, одетая в форму императорского гвардейца, которую он только что получил, пересекла туман. Преодолев несколько дверей слева и справа в огромном дворце, он наконец заметил тень Гу Юаньбая.

Когда он вошел, Сюэ Юань понял, что на императоре была только ярко-желтая атласная рубашка.

Он и так выглядел стройным, а теперь казался еще стройнее, его черные волосы драпировались на спине. Его темные волосы привлекали внимание. Сюэ Юань имел телосложение, склонное к тепловому воздействию, и из-за теплого пара, окружавшего его, не успел он сделать и пары шагов, как уже покрылся тонким слоем пота.

Окруженный туманом, Сюэ Юань остановился недалеко от молодого императора и поприветствовал его. "Добрый день, Ваше Высочество".

Как только он закончил говорить, молодой император повернулся к нему боком и слегка кивнул. "Встань."

Корона молодого императора была снята, и его черные волосы лежали на лице. Из-за этого его черты, которые раньше казались Сюэ Юаню такими холодными и суровыми, стали немного мягче.

Сюэ Юань еще не видел, чтобы молодой император казался таким нежным. Это заставило его некоторое время смотреть на него.

Тянь Фушэн уже собирался отложить одежду императора в сторону. Но вдруг его ноги подкосились, и он упал, сильно ударившись.

Гу Юаньбай: "Тянь Фушэн!"

Сюэ Юань быстро шагнул вперед, чтобы поддержать Тянь Фушэна. Тянь Фушэн держался за его талию, чтобы вытерпеть боль, и с кривой улыбкой сказал: "К счастью, мастер Сюэ здесь, так что этому евнуху не придется применять силу".

Веки Сюэ Юаня дернулись, и внезапно у него появилось плохое предчувствие.

"Кажется, я надорвал спину, я не могу разогнуться". Лицо Тянь Фушэна сморщилось. "Император не любит, когда рядом много людей, пока он принимает ванну, а остальные служители дворца находятся снаружи. Пожалуйста, попросите мастера Сюэ прислуживать вам вместо этого старого евнуха, Ваше Величество".

Гу Юаньбай увидел, что тот, похоже, упал не слишком сильно, и его выражение лица стало немного облегченным. Он сказал: "Мы можем сделать это сами".

Сюэ Юань взглянул на него и помог Тянь Фушэну выйти первым. Когда он вернулся, Гу Юаньбай сидел на большом кресле в стороне, его тело выглядело так, словно он собирался утонуть в нем.

Хотя Гу Юаньбай хотел дать понять Сюэ Юаню, что боится его, он не хотел его унижать. Он уже собирался снять обувь и носки, как вдруг перед ним на корточки присела тень.

Сюэ Юань с улыбкой опустился на одно колено, коснулся руки молодого императора, державшего сапоги дракона, и медленно сказал: "Как император может сделать такое? Этот чиновник сделает это".

Сюэ Юань снял ярко-желтый драконий сапог Его Высочества, взял молодого императора за лодыжку и медленно снял с него парчовый носок. Сюэ Юань как-то сказал, что лицо молодого императора несравненно красивее, чем у женщины. Он никогда не прикасался к такому красивому и хрупкому лицу. Он уже подумал, что лицо Гу Юаньбая принадлежит человеку, вырезанному из нефрита, а когда снял сапог и носок, то обнаружил, что ступня, которую он держит в ладонях, вырезана из того же нефрита.

Похожий на лед, прозрачный и светлый, как прекрасный фарфор, пронизанный ароматом.

Сюэ Юань почувствовал, что ступня императора приятнее на ощупь, чем нефритовый кулон, который он носил раньше. Он разминал ее, как привык делать это с кулоном, держа его своими большими руками, думая о размере ступни молодого императора.

Его тело было теплым, а ладони - шершавыми и горячими. Такое действие просто переходило все границы дозволенного. Гу Юаньбай нахмурился и, не раздумывая, с силой ударил Сюэ Юаня по плечу и холодно сказал: "Дерзость!".

Сюэ Юань был застигнут врасплох и отброшен назад, ударившись головой о землю с глухим звуком. Его глаза закатились, а зрение на мгновение потемнело.

Это было всего лишь касание ногой, как можно назвать это дерзостью?

Сюэ Юань медленно поднялся и снова опустился на колени перед молодым императором. Он усмехнулся и протянул руку, чтобы взять императора за ногу. На этот раз молодой император не смог вырваться из захвата и ударить его ногой.

"Ваше Высочество, ваша нога замерзла, и этот чиновник беспокоится, что ваше тело не выдержит", - медленно сказал он. "Этот чиновник накроет вашу ногу, и, как только она согреется, этот чиновник, конечно же, отпустит ее".